

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

УДК 1 (091)

Философия как мнимое горновосхождение

А. В. Перцев

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Для цитирования: *Перцев А. В.* Философия как мнимое горновосхождение // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 9–24.
<https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.101>

В связи с дискуссией, инициированной в России профессором Н. С. Кирабаевым, о роли философии как мировоззрения и ее значения для образования автор статьи предлагает рассмотреть философию именно как мировоззрение в свете современности. Он исходит из филологических корней, трактующих «мировоззрение» как выражение взгляда на мир *извне и сверху*. Анализируя сегодняшние мировоззренческие процессы в обществе Запада, автор указывает на поворот, при котором вещание от лица настоящего сменяется на другое, принципиально иное. В XVII–XIX вв. западная философия твердо выдвигала на передний план надежное представление о настоящем и высказывала на этой основе достоверные суждения о будущем человечества. В конце XX — начале XXI в. западному обществу навязывается презрение к настоящему и растерянность перед будущим. Преодолеть это можно только путем возвращения к прошлому, однако так, что это возвращение превратится как бы во второе начало. Первое начало завело в тупик, поскольку базировалось исключительно на техницистских представлениях. Но именно Средневековье с его надежными моральными ориентирами призвано заступить — в качестве теологии современности — на место рациональной интерпретации мира. В статье рассматриваются представления Беда Достопочтенного, теологические идеи Франческо Петрарки, Данте Алигьери в интерпретации Г. Лебона, М. Хайдеггера, Р. Гвардини, П. Слотердайка.

Ключевые слова: Г. Лебон, Ф. Петрарка, Беда Достопочтенный, Данте Алигьери, М. Хайдеггер, Р. Гвардини, П. Слотердайк, теология как обоснование этики современности, средневековая философия как апология духовного восхождения, концепция великих народов у Г. Лебона.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Из измерений времени нам, людям, известны три: прошлое, настоящее, будущее. Но каждая из исторических эпох проходит так, что на передний план выдвигается конкретная комбинация таких измерений. Предыдущая — так называемое Новейшее время с XVII по XX в. — выдвигала вперед настоящее. Прошлое презиралось как ветхое и отсталое. Будущее оставалось для определения каждому, консенсус по нему не планировался. Оно оставалось неопределяемым в принципе. Зато настоящее праздновало свой юбилей — от откровенного общественного любования философией науки до восхваления ее нынешних достижений — парохода и паровоза.

Ныне, в конце XX — начале XXI в., наступило общественное столетие отрицания настоящего. Мир современности, как выяснилось, утратил смысл. Он стал безумным. Он подвергается критике цинического разума¹. Человек пережил погружение — и справился с ним. Мы знаем, что хорошо, но делаем все плохо — и сами смеемся над этим. Цинизм — это профанная философия современного человека. Итак, настоящее устарело — о чем и говорит постоянное употребление везде приставки «пост-».

Но это все относится только к настоящему. Будущее, наоборот, остается открытым: именно с ним связывается надежда на что-то «новое, свободное от углеводов». Это — зеленая утопия, которая интересна только потому, что она утопична. Чем больше нам придется пострадать при ее воплощении, тем она ценнее. Пусть даже ради нее нам придется жить как в Средневековье — мученичество искупит наши былые удовольствия в настоящем. Человечество настолько скомпрометировало себя, что создается искусственный разум — свободный от присутствия человека. И только улет в безлюдный космос, направляемый искусственным интеллектом, может спасти человечество. Оно — навоз, который — как панк — пахуч, но на нем мы, панки, вырастим дивных детей, которые будут петь наши гармоничные песни. Откуда они возьмут гармонии для них, неясно: ведь мы — апологеты панк-рока или рэпа — лишили их не только мелодии, но и музыки вообще, сбившись к тому же на невнятную, нечленораздельную речь.

Именно потому в поисках альтернативы настоящему и будущему на передний план сегодня все более выходит прошлое. Мы строим современные планы и планируем космические завоевания, опираясь на средневековую теологию. И история философии оказывается для нас путеводной в поисках идеала. *Несмеяный* идеал — именно там, в прошлом.

¹ Вышедшая в 1983 г. книга немецкого философа Питера Слотердайка оказалась на протяжении XX в. самым продаваемым изданием в Европе [1].

Это только подлежащие обструкции сторонники Трампа вольны крушить памятники белым рабовладельцам и уничтожать все основы культуры настоящего, включая орган в соборе Святых Петра и Павла в Нанте и интернаты для математически одаренных детей. То, что не может осилить толпа переселенных в Европу беженцев, должно пойти под нож. Не костры на площадях, что создавало карнавальное действо, а просто компьютерный учет покончит с книгами: научные установления, выработанные людьми, научно недалекими, не рекомендуют впредь использовать в научных произведениях (статьях, а не в книгах!) ссылки на литературу, которая издана позже, чем в последние 5 лет. (Остальная литература сжигается одним движением пальца на мышке, отправляясь в мусорную корзину.)

Так поступают машиноподобные разумом разрушители культуры настоящего, готовящие почву для культуры будущего.

Но кто же, спрашивается, придет следом за ними, когда они уничтожат гуманитарную культуру? Кто те вестники будущего, которые вновь провозгласят новые небеса и новую землю?

Этот вопрос и призвана разрешать по-новому переосмысленная история философии (включающая на определенных правах историю теологии как частный свой вид). Современные публикации работ Средневековья — это публикации *тех, кого надо*: это — парад забытостей Средневековья. Затем они и издаются ныне в первую очередь.

Вот, к примеру, сочинение бенедиктинского монаха из Нортумбрии Беда Достопочтенного (ок. 672(673) — 735 гг.) «Церковная история народа англоv» [2, р. 48–49]². (За нее он удостоился звания «отца английской истории».) Начинается она с истории о появлении папы римского Григория Великого на невольничьем рынке в Риме. Там он увидел англосаксов — и тут же стал активным сторонником приобщения их к лону церкви (англосаксы ведь оставались язычниками до VI века!): «Однажды в Рим прибыли некие торговцы и выставили на площади товар для продажи. В числе многих покупателей пришел туда и Григорий и среди товаров увидел продаваемых мальчиков соразмерного телосложения, с приятными чертами и красивыми волосами. Глядя на них, он... спросил, из какой они области или страны, и получил ответ, что их привезли с острова Британия, где все жители похожи на них. Тогда он спросил, христиане ли они или до сих пор пребывают в заблуждении язычества, и ему ответили, что они язычники. С исходящим из самого сердца вздохом он сказал: “Как жаль, что создатель тьмы владеет людь-

² На лат. *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, на англ. — *Ecclesiastical History of the English People*.

ми, столь светлыми ликом, и что души, облеченные такой внешней благостью, лишены благодати внутренней!” Спросив об имени их народа, он получил ответ, что они зовутся англами. “Добро, — сказал он, — ибо у них лица ангелов, и они достойны приобщаться к ангелам на небесах...” И он пошел к понтифику римского апостольского престола, ибо тогда он еще не был избран понтификом, и попросил отправить к англам в Британию проповедников Слова, дабы обратить их ко Христу» [2, р. 48–49].

Почему же нынешние англы не осаждают Рим, не требуют свергнуть идеологию Римского клуба и заплатить им контрибуцию, поскольку Рим в свои времена рассматривал англов как рабов, которые едва ли не в последнюю очередь были допущены в Европе ко Христу? Да потому, что еще Беда Достопочтенный уже разглядел в англах то, что сделает их одним из главенствующих в деле государственного строительства народов. Это — *характер*, под которым основатель психологии масс, французский врач Гюстав Лебон (1841–1931), подразумевал не что-то индивидуальное и даже не что-то коллективное, а нечто родовое, складывающееся на протяжении многовековой истории народа. Характер народа зависит не от личности и даже не от сговора некоторого коллектива личностей-просветителей. Он куется и формируется на протяжении столь многих поколений, что может быть уподоблен следствию из самых коренных психологических представлений народа, но самое главное — он всегда становится руководящим тогда, когда народ превращается в толпу. Так рассуждает Г. Лебон, тщетно смешивающий свои симпатии к Франции и попытки космополитического подхода. Будучи врачом, а также много попутешествовав, Г. Лебон вываливает на читателя массу эмпирических аргументов и рассуждает как ученый. Иногда при его чтении возникает впечатление, что в его теории все не сходится и даже никогда не сойдется:

Влияние характера — самый могущественный фактор в жизни народов, между тем как влияние ума чрезвычайно слабо. Римляне времен упадка имели более утонченный ум, чем ум их грубых предков, но они потеряли прежние качества своего характера: настойчивость, энергию, непобедимое упорство, способность жертвовать собой ради идеала, нерушимое уважение к законам, которые создали величие их предков. Только благодаря характеру 60 000 англичан держат под своей властью 250 миллионов индусов, из которых многие, по крайней мере, равны им по уму, а некоторые неизмеримо превосходят их эстетическим вкусом и глубиной философских воззрений. Только благодаря характеру они стоят во главе гигантской колониальной империи, какую когда-либо знала история. На характере, но не на уме основываются общества, религии и империи.

Характер дает народам возможность чувствовать и действовать. Они никогда не выигрывали много от того, что желали слишком много рассуждать и слишком много мыслить [3, с. 33].

Англичан, по рассуждениям Г. Лебона, сделал великим имперским народом вовсе не интеллект и не успехи их гениев в науках. Известный интеллект у великого народа должен присутствовать налицо, но — не более того. Сам по себе интеллект — это удел гениев, которых даже в высшем народе мало, да народ этот высший к ним и не прислушивается. Он прислушивается только к тому, что он уже в себе понимает, но не умеет выразить внятно — и вот вдруг в афоризме интеллектуала открывает как свое, только невысказанное и недосказанное. Народ, таким образом, осознает в себе родовое бессознательное — если, конечно, гений опускается при этом до манеры выражаться, присущей народным писателям. Это — уже ставшие родовыми черты англичан, которые подсказывает им история их предков, — настойчивость, энергия, следование опыту, умение пережидать, непобедимое упорство, способность жертвовать собой ради идеала, нерушимое уважение к законам, неспособность взваливать все на государство, индивидуальное предпринимательство. Именно потому «60 000 англичан держат под своей властью 250 миллионов индусов» (с тех пор цифры метрополии и неокolonий изменились, но общая пропорция осталась сравнимой).

С 1896 г., когда в России (в Санкт-Петербурге) впервые вышла книга «Психология народов и масс», русские были осведомлены, что Г. Лебон относит их к высшим народам, и, как это следует из логики книги, признавал их индоевропейским народом. Так отчего же они вели себя совсем не так, как это предписывает Г. Лебон? Почему они отличались от англо- и испанцев?

Среди высших рас могут занимать место только индоевропейские народы. Как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тем высоким уровнем, которого достигла ныне цивилизация. Пар и электричество вышли из их рук. Наименее развитые из этих высших рас, например индусы, возвысились в области искусства, литературы и философии до такого уровня, какого никогда не могли достигнуть монголы, китайцы и семиты. Между четырьмя большими группами, которые мы только что перечислили, невозможно никакого слияния; отделяющая их умственная пропасть очевидна. Трудности начинаются только тогда, когда хотят подразделить эти группы. Англичанин, испанец, русский относятся к группе высших народов; однако мы хорошо знаем, что между ними существуют очень большие различия [3, с. 30].

Медийная Россия ныне уже дозрела до обсуждения книги Г. Лебона: вокруг всякого положения из нее завязывается дискуссия, да еще и в цифровом формате. Нам интересно другое: а не стали ли сегодня сознательно воплощать рецепты Г. Лебона в жизнь приверженцы нового Римского клуба? Не они ли провозгласили истинной реальностью вымышленную реальность — т. е. сконструированную при помощи средств массовой пропаганды? Не они ли сознательно дискредитируют научные формы информации, опирающиеся на статистику, не насаждают ли в обществе «мифы», герои которых гибнут, но остаются живыми (главное, чтобы смерть их была провозглашена и пережита, а на следующий день о ней никто и не вспомнит!). Не взята ли у них на вооружение главная идея Г. Лебона: в качестве имперского лозунга выступает не наука, а совокупность фейков, в которую легче заставить поверить; коренное население Европы развращено социальными льготами, поэтому его надо заменить беженцами, у которых надо сформировать «иную» культуру, — не такую, как у коренных европейцев, но и не такую, которую они исповедовали на родине; именно потому на всех «чужих роинах» надо постоянно поддерживать «социальный хаос», против которого должна в едином строю работать, сплачивая всех, система единообразных средств массовой информации...

Что же касается Беды Достопочтенного, то на совершенно специфическую особенность подмеченной им черты английского характера обратил внимание К. Ясперс — уже тогда, когда выдавал себя в конце жизни за великого руководителя всей истории философии на земле, коль скоро его заслуг не признали в Германии. Когда К. Ясперс говорит о проявлении великих тайн в человеческой истории, он говорит о *народной интуиции*, позволяющей англам немедленно постигать то, что не всегда дано в опыте: «...Последний пример, из истории церкви Беды Венерабилиса, англосакса, из VII в. Этот Беда сообщает, как англосаксонские короли собрались в 627 г. после Рождества Христова на совет, чтобы обсудить: принимать христианскую веру или нет. Представьте себе — чтобы понять то, что я сейчас прочту, — германский зал, в каких жили и короли, такой большой зал, в котором готовили пищу, ели и жили, с очагом в середине, справа и слева — двери, как это еще сегодня можно увидеть в старых крестьянских домах. Так вот, так и встретились эти короли со своими князьями, и один из князей держал такую речь: “Мой король, нынешняя жизнь человека на земле кажется мне, в сравнении с тем временем, которое неизвестно нам, такой, будто сидишь ты зимой со своими князьями за столом. Посреди в очаге горит огонь, от него в зале тепло. А снаружи — буран, пурга. И тут вдруг

влетает воробей и быстро пролетает через зал — в одну дверь влетел, в другую вылетел. В то мгновение, когда он был внутри, он был укрыт от бури. Но пролетев быстро то маленькое пространство, где лучше и приятнее, он скрывается с глаз твоих и возвращается — из зимы назад, в зиму. Такова и эта жизнь человеческая. Только единственный миг. Что ей предшествовало и что будет потом — мы не знаем. И если эта новая религия даст нам больше уверенности в ней, то, по-моему, будет правильно ей последовать»³.

Главное здесь — это отношение к любой идеологии как к средству, а не как к цели. Вера в Бога, вера в право, вера в государство, вера в моральные ценности — вот что должно сопровождать человека, а вовсе не научная убежденность в том, что истина — в правде. Поиски научной убежденности имеют своей оборотной стороной сомнения. А вот если англичанина привлекает убежденность в том, что он в морозы согреется от холода, пролетая над печью, то он твердо пойдет в церковь — чтобы погреться. Наличие Бога его при этом не интересует.

У немцев есть такое выражение — *Philosophie als ob*. Это означает — «философия как если бы» и представляет собой цитирование названия книги Ганса Файхингера (1852–1933), неокантианца и издателя журнала «Kant-Studien». Тот проделал сильную эволюцию, пав жертвой собственной страсти докапываться до истины. Изучая Канта, он вывел его взгляды из концепции Г. Лейбница и Д. Юма, а вовсе не из его гносеологических опытов. В результате — под влиянием А. Шопенгауэра и Ф. Ницше — у него возникла идея, что так называемые «вещи в себе» есть результаты гипотетических функций, т.е. человек живет не среди предметов мира, а среди собственных и унаследованных гипотез о них. Так и возникла главная книга Г. Файхингера «Философия “Как если бы”» (*Philosophie des Als Ob*, Berlin, 1911). Так оно и было бы по философии, если бы предметы мира казались бы тем, чем они кажутся. Сейчас это понятно, потому что появилась не только киноплёнка, но и возможность редактировать видеоизображения.

Нынешней философии постмодернизма осталось только приладить девиз «Как если бы» к киноверсиям псевдопрезидентских фильмов, в которых роль, играемая президентом-актером, переходит в реальность его победы на легитимных выборах. И все общество вдруг привыкнет к тому, что оно выбрало реальным президентом своей страны такого президента, который прилично играет эту роль в реальности, — роль президента Понарошку.

³ См. наш перевод первой главы работы К. Ясперса «Шифры трансценденции» [4, с. 103].

Ему удобно было играть эту роль — и даже теперь он продолжает ее играть с упоением, не желая давать кому-то определить, насколько все настоящие обязанности президентского окружения выступают настоящими в данной ситуации.

Философия Средневековья и Возрождения — это вовсе не регресс для Европы. Ведь Европа еще со времен Ф. Ницше говорит о «вечном возвращении того же самого». Дальше всех пошел только Мартин Хайдеггер, который призвал отвергнуть всю историю философии Запада и вернуться назад, к началу Бытия, но вот только так, чтобы это новое начало *предвещало* бытие, выступая как раз накануне его — и выступало в качестве *Sein*, т. е. в качестве пра-бытия к бытию.

Подобный возврат к старому — так, чтобы оно напоминало новое, но в прежнем виде, — аналогичен восхождению Петрарки на гору Ванту в поисках новой философии, вернее, к обретению там, наверху, возвращения к прежнему мировоззрению как залогом чего-то нового.

Последние споры о том, какую роль философия должна играть в российском образовании, незримо вертятся вокруг фразы о наличии *мировоззрения* у современного россиянина — как бы это *мировоззрение* далее ни понималось.

«Воз-зрение», есть в русском языке слово, описывающее взирание на что-либо сверху. Надо предварительно подняться над тем, что тебе предстоит взирать, и уже потом обволакивать его взором.

Философским ли является произведение итальянского поэта Франческо Петрарки (1304–1374), посвященное его официально зарегистрированному восхождению на вершину горы Ванту (описано в письме своему бывшему духовнику Диониджи ди Борго Сан Сеполькро и помещено в авторский сборник писем *Epistolae familiares* (IV, 1))?

Различные исследователи Ф. Петрарки подвергли всяческим сомнениям его письмо, в котором он свидетельствовал об этом своем горновосходительском подвиге, совершенном с братом Герардо и с двумя слугами. В самом деле, может ли текст, насчитывающий шесть тысяч слов на прекрасной латыни, с правильными цитатами из поэтов, быть написан наскоро в тот же день после восемнадцатичасового восхождения и спуска с самой заметной вершины? Позитивисты сомневаются: не сочинил ли этот текст Ф. Петрарка лет через пятнадцать, да еще и после смерти того, кому этот текст предназначался? Не есть ли воображение та сила, которая вознесла его на гору, а потом указала на то, что лучше бы он постигал не внешний мир, а свою душу в свете Священного Писания?

В этом накопившемся за семьсот с лишним лет материале мы выделяем историко-философский факт, который начинается как мини-

мум с подготовки похода и восхождения на гору. Первый альпинист в мире — Франческо Петрарка — в апреле 1336 г. взошел на скалистую вершину горы Мон-Ванту (Mons Ventosus, Ветреная Гора) около Авиньона, в регионе Прованс на юге Франции. Гора была, конечно, самой высокой в окрестностях (по самым точным сегодняшним данным, ее высота 1909 м). Франческо Петрарка объявил себя первым альпинистом, потому что он — человек неместный — шел на гору, чтобы посмотреть с нее по сторонам и сделать из этого философские выводы.

Материал, ныне принимаемый за историко-философский факт, подлежит анализу. Письмо и жизненную ситуацию, которая в нем описывается, мы раскладываем на составляющие.

Вот, во-первых, встреча Ф. Петрарки и его спутников со старым пастухом, который сказал им, что сходил на гору около пятидесяти лет назад — и нашел там только камни и ежевику. Но после этого никто ничего подобного не делал. Если бы эта встреча не произошла, то Ф. Петрарка — со взятым с собой сочинением Августина Аврелия — просто не нашел бы способа провозгласить себя первым альпинистом в здешних местах. (Сегодня к вершине горы проложена асфальтированная дорога, а в магазинчике, стоящем на ней, велосипедисты из разных стран гасят свои пропуска, подтверждая свой визит на гору.)

Вот, во-вторых, описание подъема на гору. Брат Герардо поднимается по гребню, а брат Франческо, прикидывая свои варианты пути, полагается при этом на интуицию. Он наблюдает за братом — и видит, что его путь получается короче. Ведомый божественной интуицией альпинист оказывается на вершине, потому что полагается на нее! Историко-философский аспект как раз и составляет именно эта интуиция: произведение Августина Блаженного манит Франческо вверх, к Богу. По дороге поэт все чаще размышляет о десяти годах своей предыдущей жизни и о любви к Лоре. Потом он окидывает взглядом открывающиеся панорамы нескольких стран — и они не отвлекают его от внутренних переживаний. Напротив, они усиливают терзания души.

Наконец, в-третьих, подуставший поэт садится на камень и — по согласованию со спутниками — «гадает» по книге Августина, раскрывая одну из страниц наугад. «Исповедь» блаженного Августина раскрывается так, что весь историко-философский смысл происходящего сразу становится ясен.

Пиренеи, которые являются как бы границей между Францией и Испанией, отсюда не видны, хотя единственное препятствие тому — несовершенство человеческого глаза; зато горы Лионской провинции с правой стороны, а с левой — Марсельский залив и тот, другой, у самого Эг-Морт, до которого отсюда несколько дней пути, видны прекрасно, а сама Рона

как на ладони. Когда я так восторгался всем виденным и, вдыхая запахи земли, снова душою, как до этого телом, устремлялся к небу, мне пришла в голову мысль заглянуть в «Исповедь» блаженного Августина. Обладателем этой книги я стал благодаря твоей любви и в память об авторе, а также о том, кто мне ее подарил, берегу ее и всегда ношу с собой: крохотная книжка, а какое она приносит безграничное наслаждение. Открываю книгу наугад, имея намерение прочитать первые попавшиеся строки, это оказывается десятая глава. Рядом стоит брат и прислушивается. Бог — свидетель и тот, кто был рядом со мной, что в том месте, на которое упал мой взор, было написано: «И ходят люди, чтобы восторгаться вершинами гор, вздыбленными волнами моря, широкими течениями рек, безграничным простором океана с сиянием звезд, а о душе своей забывают». Поверишь ли мне, я остолбенел, а брата, который хотел, чтобы я продолжал чтение, попросил не мешать и закрыл книгу. Меня охватило негодование, что еще и теперь я восторгаюсь всем земным, тогда как уже давно, даже от языческих философов, мог бы усвоить очевидную истину: что, кроме души, нет ничего достойного удивления и что в сравнении с ее величием ничто не является великим. Вдоволь насытившись видом горных вершин, обратил я внутренний свой взор вглубь самого себя, и с того мгновения, пока не сошли вниз, уже ничто не приковывало моего внимания⁴.

Ф. Петрарка пережил на горе свой катарсис. Взойдя на вершину, он убедился, что весь окрестный мир — несколько стран сразу — можно окинуть единым взглядом. Мир, таким образом, есть единое целое, а всякие границы — только видимость. И тогда Петрарке сразу же пришла мысль о том, что дух человека, следующего Христу, выше всяких земных вершин. Он воспаряет над вершинами и объемлет их, воспринимая как целокупность — т. е. как единое творение Господа. Суета человеческая заключается в чрезмерном увлечении частностями. В неумении видеть лес за деревьями. Тот, кто видит целокупность, понимает замысел Господа.

В постижении этого поэт смолк, и обратный путь с горы совершал безмолвно. А потом записал пережитое — ночью, по возвращении в деревню, «поспешно и импровизированно».

Его потрясло тонкое различие подъема физического и подъема духовного.

С физической стороны дела, путь вверх — это путь вверх от какой-то точки. Путь вниз — это возвращение вниз от какого-то наперед избранного ориентира. Можно менять точки отсчета. Тогда ты можешь двигаться вверх относительно одной точки, а относительно второй — опускаться. А если представить себе третью, четвертую, пятую, шестую точки, то ты вообще не можешь определить, куда движешься. Возник-

⁴ См.: *Petrarca F. Epistolae familiares* [5, IV, 1].

нет иллюзия многомерности — и абсолютной самодостаточности, которая рано или поздно оборачивается страхом. Там мыслит человек настоящего.

Иначе мыслит человек Средневековья — или, говоря точнее, — человек Возрождения, который сильно вкусил от него и остался весьма недоволен происходящими в мире переменами; он желает вернуть что-то старое, только устроенное по-новому.

Мартин Хайдеггер в самой первой своей статье поставил эпиграфом строку из Данте Алигьери: «Оставь надежду, всяк сюда входящий», поскольку в ту пору М. Хайдеггер еще был молодым и честолюбивым католическим проповедником. Эта надпись над воротами ада предназначалась городским читателям и носителям пороков. До самых последних лет жизни Хайдеггер являлся столь же консервативным, сколь и Данте Алигьери (1265–1321).

Данте не нравилось Возрождение, он желал вернуться назад, в идеальное Средневековье. Лирический герой «Божественной комедии» — т. е. сам Данте, только во сне, продлившемся долгие годы, — оказался сначала среди сумрачного леса, в котором потерял дорогу, и тут же наступила мгла. Забрестило утро, в лесу стало светать. Свет исходил от горы, которая оказалась впоследствии горой чистилища. Данте, описанный в книге, бросился к горе, но путь ему преградили три диких зверя, которые символизировали его собственные недостатки. Данте опустил руки — и тут вдруг судьба послала ему заступника-посланника в лице Вергилия. Тот, казалось бы, уже был знаком с загробным миром, а потому знал: чтобы попасть на райские небеса, надо идти не наверх, а в ад. Надо пройти все круги ада вплоть до Сатаны, чтобы вначале узнать, каково там, в царстве греха, затем искупить свои грехи и попасть в обители святых, в царство богов.

Отсюда — некоторые физические искривления в пространстве. Ад есть кратер, который возник от сброшенного вниз, на землю, дьявола. Воронка, образовавшая адский кратер, на дне которого пребывает Сатана, выдавила с другой стороны Земли гору — это, выходит, и есть гора чистилища. Значит, она находится *под Сатаной*. То есть там еще хуже, чем Сатане в аду. Потому что спуск вниз — это движение к *еще худшему*?

Автору пришлось прибегнуть к мистике, прежде чем он решил эту проблему. Вергилий твердой рукой повел Данте в ад, причем до самого низа, а вот затем они продрались сквозь землю, уже не понимая, где верх, а где низ, потому что они следовали по извилистым каналам-стокам той реки, которая находится высоко на горе чистилища и смывает в итоге с раскаявшихся грешников память о всех грехах. Короче гово-

ря, здесь происходит нечто, подобное сну: там нет последовательности между картинками, как в кино, и один эпизод прерывает другой, не соотносясь с ним.

Повторим еще раз: в центре Земли, в самом худшем ее месте, пребывает Сатана. Это — самый низ ада. И вот туда же, в это злобное место, стекает вода реки, смывающей грехи. Сатана судорожными движениями своих крыл превратил эту воду в лед... Стал ли он от этого менее грешен? Воды реки, смывающей следы грехов, текут у стен земного рая — т. е. на самой вершине горы чистилища. Но почему же они текут по тайным своим путям вниз, где есть демоническое царство Сатаны? Человек, идя с трудом по путям чистилища, иногда преодолевает стены из огня. Что же он не воспользуется при этом помощью этой воды, смывающей память о грехах? Грехи заставляют человека преодолеть стену из огня. Но ведь и забвение о них тормозит этот процесс, препятствуя ему...

Подобные физические несуразности оправдываются у Данте как раз тем, что они — не физические, а моральные несуразности. У перевозчика в ад Харона в аду Данте нет функции сопровождения грешников до места отбытия ими наказания. Перевезенные им в ад, они по его знаку послушно идут туда, где их уже ждут, — в зависимости от их грехов, которые им отлично известны. Они оставляют надежду, следуя призыву надписи над воротами, — и не надеются избавиться от грехов. Бог при их рождении предоставил им право выбора: грешить или не грешить, т. е. предаваться злу или не предаваться. Они сами сделали свой выбор. И потому они сами определяют свою *высоту морального падения*. Каждый человек должен устремить свой взор в душу свою — и определить, насколько же он грешен. И так — на протяжении всей жизни.

Спуск в ад нужен для того, чтобы твоя душа осознала, какие грехи в ней еще есть. Это — своего рода шкала грехов для их последующего внутреннего обнаружения.

Только тот, кто побывает на дне ада, может вознестись к Эмпирею, который есть идеальная граница материального мира, и удостоиться свидания с Христом. Данте с Вергилием вовсе не спускаются в ад, чтобы посмотреть на разгорающиеся там — без времени! — страсти. Они могли бы обойтись без этих зрелищ. Но именно в этой хитрой диалектике и заключается средневековая мудрость: путь вниз есть путь вверх. Так оно есть — не в физике, так в морали. Возвышен бывает тот, кто прежде устремится на самое дно ада.

Теолог Р.Гвардини говорил своим студентам о существовании некоего непроизвольного ценностного чувства, которое подсказывает человеку, *поднимается он или опускается*. (Это — нечто вроде

«морального высотомера», который есть у каждого.) Сегодня эти рассуждения, кроме богословов и некоторых философов, дано понять немногим.

Я обращал внимание на то, что для нашего непроизвольного ценностного чувства есть две основные схемы. Наверху — исполненное ценности, внизу — лишенное ценности. Опускаться — это означает, прежде всего, для нашего непроизвольного чувства — становиться меньше; подниматься — означает становиться больше, так как, отталкиваясь от этого, ценностный акцент переносится на целое. И теперь в последней фазе чистилища пробивается какая-то новая форма движения. И медленно возникает третье движение, которое вообще больше ничего не желает достигнуть, потому что все уже исполнилось. Цель прекращает существовать и упраздняется смыслом [6, с. 466–467].

На небесах, когда рай уже достигнут, у человека больше не может быть никаких целей. Целью было — попасть на небеса. А здесь, на небесах, уже нет никакого целеполагания. Смысл движения здесь — это не цель, не достижение цели. Человеку уже ничего не надо — он просто наслаждается своим движением — парением в бесконечном, никуда больше не устремляясь, — словно во время прогулки. (Так же, впрочем, чувствуют себя математики, которые называют свое математическое мышление «парением в бесконечном»; так же парят философы-метафизики, теологи, мистики, испытывающие откровение.)

Читая этот отрывок, мы убеждаемся, что Р.Гвардини пришла в голову мысль, и он наскоро записал то, что ему открылось в откровении. Получилось достаточно сбивчиво. Видно, что он просто записывал — наскоро, чтобы не забыть, примерно как альпинист Петрарка. Р.Гвардини говорит, комментируя, что откровение-озарение открывает все с полной ясностью. Все кажется простым, ибо Бог абсолютно ясен. Но потом начинается мучительный поиск подходящих слов, чтобы выразить постигнутое, — и это божественно-ясное немедленно начинает заволакивать туман. Записано все вроде простыми словами, но кажется непостижимым. В этом можно убедиться, читая, как сам Гвардини пытается выразить открывшееся ему в откровении: «Цель есть что-то, к чему я направляюсь. Я хочу идти туда, чтобы сделать там то-то и то-то. И вот я направляюсь туда, а когда я этого достиг, то цель исчезает. И все вещи — в полном порядке. Мое движение направлено на достижение цели, оно существует ради достижения цели. Смысл есть нечто иное: я иду, потому что это меня радует; в этом случае я уже не иду, чтобы дойти до чего-то, по возможности быстро, по возможности надежно — нет, движение уже направлено, так сказать, на что-то иное за пределами себя, но при этом ориентировано на что-то, что заложено в нем самом. Оно имеет свой

смысл в себе. Движение в чистилище — это движение к цели. Движения, которые происходят теперь [в небесах], — это чистые движения смысла, что значит: они есть чистое выражение. Чистое выражение есть там, где уже ничего больше не достигается, но где следует только выразить нечто внутреннее. И это — характер движений в небесах. Они больше не имеют никакой тяжести, они совершенно легки — также и непосредственное выражение, имеющее экзистенциальный масштаб» [6, с. 467].

Весь мир Средневековья — это одна огромная иерархия с четко выраженными ступенями. Это — горы и пропасти, где одни располагаются выше, а другие ниже (американский интеллектуальный пейзаж должен, по этой логике, представлять собой абсолютную равнину). Чисто географического пейзажа в Средневековье нет — он всегда имеет метафизический и теологический смысл, и любая гора — это символ высоты, а любая пропасть — символ низости. Любой восходящий может стать возносящимся, в парении своем приближающимся к Богу. Любой, кто покатился по наклонной плоскости, закончит в аду, у Сатаны.

Именно в этом суть герменевтической реконструкции средневекового видения мира, осуществленной философом и теологом Р. Гвардини. Она заключается в восстановлении великого средневекового представления, что, поднимаясь на гору, ты стремишься к вершинам, воспаряешь над суетой, расширяешь свой кругозор, обретаешь новые перспективы — в общем, становишься лучше и умнее. (Титул «Его Высочество» прекрасно передает это представление.) И наоборот: спускаясь в глубины и недра, ты всячески опускаешься и унижаешься, т. е. становишься более низким и низменным. Силы Божественные не случайно именовались Горными силами, а все сатанинское пребывало в безднах («пропасть» происходила от слова «пропадать»; пропасть можно было только в пропасти, но не на вершине).

Все события, которые происходят в раю, — озарения и просветления, исходящие от Бога, — это не что иное, как аллегорическое описание мыслительных процессов, направленных на постижение открывающегося в откровении. Все, что начинается как география, завершается теорией познания. Это и есть подлинное Средневековье, герменевтически воссозданное Р. Гвардини. Воссозданное совсем недавно. Для самой современной Европы.

Литература

1. Слотердайк, П. (2021), *Критика цинического разума*, пер. с нем. Перцева, А. В., 3-е изд., испр., СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
2. Достопочтенный, Б. (2001), *Церковная история народа англо*, пер. с лат., вступ. ст., коммент. Эрлихмана, В. В., СПб.: Алетейя.

3. Лебон, Г. (2011), *Психология народов и масс*, М.: Академический проект.
4. Ясперс, К. (2018), Шифры трансценденции, в: *EINAI: Философия. Религия. Культура*, т. 7, № 1 (13), с. 97–110.
5. Petrarca, F. (1955), *Epistolae familiares*, in: Petrarca, F. *Prose*, ed. Martillotti, G., Ricci, P. G., Carrara, E., Bianchi, E., Milano, Napoli.
6. Guardini, R. (1998), *Dantes Göttliche Komödie. Ihre philosophischen und religiösen Grundgedanken. (Vorlesungen)*, Mainz: Matthias-Grünewald-Verlag; Paderborn, Verlag Ferdinand Schöningh.

Статья поступила в редакцию 17 октября 2022 г.;
рекомендована к печати 27 октября 2022 г.

Контактная информация:

Перцев Александр Владимирович — д-р филос. наук, проф.; apertzev@mail.ru

Philosophy as an imaginary mountain ascent

A. V. Pertsev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
19, ul. Mira, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

For citation: Pertsev A. V. Philosophy as an imaginary mountain ascent. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 9–24.
<https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.101> (In Russian)

In connection with the discussion initiated in Russia by Professor N.S. Kirabaev about the role of philosophy as a worldview and its significance for education, the author of the article proposes to consider philosophy as a worldview in the light of modernity. It comes from philological roots, which interpret “worldview” as an expression of a view of the world from outside and from above. Analyzing today’s worldview processes in Western society, the author points to a turn in which broadcasting on behalf of the Present is replaced by something else, fundamentally different. In the 17th–19th centuries, Western philosophy firmly put forward a reliable idea of the Present and, on this basis, expressed reliable judgments about the Future of mankind. At the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries, contempt for the Present and confusion before the Future are imposed on Western society. This can be overcome only by returning to the Past, however, in such a way that this return turns into, as it were, a second beginning. The first beginning led to a dead end, because it was based solely on technical ideas. But it is precisely the Middle Ages, with its reliable moral guidelines, that is called upon to take over — as the theology of modernity — in the place of a rational interpretation of the world. The article deals with the ideas of Bede the Venerable, the theological ideas of Francesco Petrarca, Dante Alighieri — in the interpretation of G. Lebon, M. Heidegger, R. Guardini, P. Sloterdijk.

Keywords: G. Lebon, F. Petrarch, Bede the Venerable, Dante Alighieri, M. Heidegger, R. Guardini, P. Sloterdijk, theology as a justification for the ethics of modernity, medieval philosophy as an apology for spiritual ascent, G. Lebon’s concept of great nations.

References

1. Sloterdike, P. (2021), *Criticism of the cynical mind*, transl. from German by Pertsev, A. V., 3rd ed., rev., St. Petersburg: Ivana Limbakha Publ. (In Russian)
2. Dostopochtennyi, B. (2001), Church history of the people of the Angles, transl. from lat., intr. art., com. by Erlikhman, V. V., St. Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian)
3. Lebon, G. (2011), *Psychologie der Massen*, Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
4. Iaspers, K. (2018), Transcendence ciphers, in: *EINAI: Filosofia. Religia. Kul'tura*, vol. 7, no. 1 (13), pp. 97–110. (In Russian)
5. Petrarca, F. (1955), *Epistolae familiares*, in: Petrarca, F. *Prose*, ed. Martillotti, G., Ricci, P. G., Carrara, E., Bianchi, E., Milano, Napoli.
6. Guardini, R. (1998), *Dantes Göttliche Komödie. Ihre philosophischen und religiösen Grundgedanken. (Vorlesungen)*, Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag; Paderborn, Verlag Ferdinand Schöningh.

Received: October 17, 2022

Accepted: October 27, 2022

Author's information:

Aleksandr V. Pertsev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; apertzev@mail.ru